

Kyrie Eleison

Владимир Стрельцов

ПРИТВОРОЁННЫЕ
КО ТЬМЕ

18+

Владимир Стрельцов

Приговоренные ко тьме

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Стрельцов В.

Приговоренные ко тьме / В. Стрельцов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Три года преступлений и бесчестья выпали на долю средневековой Италии на исходе IX века. По истечении этих лет рухнул в пропасть казавшийся незыблемым авторитет Римско-католической церкви, устроившей суд над мертвецом и за три года сменившей сразу шесть своих верховных иерархов. К исходу этих лет стараниями алчных магнатов в густой и заиленный сумрак неопределенности опустилась судьба всего Итальянского королевства. «Приговоренные ко тьме» — продолжение романа «Трупный синод» и вторая книга исторической серии «Кирие Элейсон», повествующей о позорном периоде "порнократии" в истории Римско-католической церкви.

Содержание

В предыдущих книгах серии:	6
КНИГА 2. Приговоренные ко тьме	7
Пролог	7
Эпизод 1. 1652-й год с даты основания Рима, 13-й год правления базилевса Льва Мудрого, 3-й год правления франкского императора Арнульфа	8
Эпизод 2. 1652-й год с даты основания Рима, 13-й год правления базилевса Льва Мудрого, 3-й год правления франкского императора Арнульфа	15
Эпизод 3. 1653-й год с даты основания Рима, 14-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Арнульфа	19
Эпизод 4. 1653-й год с даты основания Рима, 14-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Арнульфа	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25
2	

КИРИЕ ЭЛЕЙСОН

КΥΡ†Ε ΕΛΕΙ

SON

Книга 2.
Приговоренные
ко тьме

В предыдущих книгах серии:

Kyrie Eleison. Трупный синод

«Пройдя сквозь огонь готских и лангобардских завоеваний, преодолев тягостный византийский гнет, сравнимый с гнетом гнилой воды, Рим – Вечный город человечества – на заре десятого века христианской цивилизации, казалось, вновь становился центром Вселенной... К концу девятого столетия жестокие испытания огнем и водой были пройдены папским Римом с честью, но новый экзамен на выживание, самый сложный, самый коварный и самый позорный, обманчиво прекрасным миражом уже вставал у него на пути».

«Три январских дня 897 года стали, быть может, самыми позорными и жалкими страницами в более чем двухтысячелетней истории мирового христианства. За двадцать столетий Церковь Христа видела многое и прошла через самые разнообразные испытания и искушения, не всегда достойно выдерживая их. Но даже на фоне костров инквизиции и потворства коронованным тиранам и фашистским режимам двадцатого века Трупный синод особо выделяется своим дремучим варварством и невежеством, которое трудно объяснить или тем более списать на необходимость борьбы за свои принципы или же на вынужденные политические обстоятельства».

КНИГА 2. Приговоренные ко тьме

Пролог

Три года, три года преступлений и бесчестья выпали на долю средневековой Италии на исходе девятого века. По истечении этих лет рухнул в пропасть казавшийся незыблемым авторитет Римской католической церкви, устроившей суд над мертвецом и за три года сменившей сразу шесть своих верховных иерархов. К исходу этих лет стараниями алчных магнатов в густой и заиленный сумрак неопределенности опустилась судьба всего Итальянского королевства, чья политическая арена в результате воцарившегося хаоса стала напоминать городскую площадку эстрады и самодеятельности, на сцене которой, было бы желание, мог появиться совершенно неожиданный ансамбль и совершенно незнакомые для публики лица. Такие актеры, никому не известные, но азартные, голодные и горящие желанием всех удивить, действительно не заставили себя долго ждать.

Эпизод 1. 1652-й год с даты основания Рима, 13-й год правления базилевса Льва Мудрого, 3-й год правления франкского императора Арнульфа

(декабрь 898 года от Рождества Христова)

После небольшого перерыва, вызванного необходимостью проследить за драматическим угасанием рода сполетских Гвидонидов, возвращаемся в забытый нами на два с лишним месяца Рим, чтобы навестить папу Иоанна Девятого в зале приемов папской резиденции, построенной Львом Третьим и примыкающей к базилике Святого Петра. Во вместительном помещении, ныне, увы, уже несуществующем, нас ждут с десятков пышно одетых вельмож Рима, которых гостеприимный папа разместил в глубоких креслах, близко придвинутых к огромному, захлебывающемуся жарким пламенем камину. Приемная зала, в отличие от самой базилики и других помещений, входящих в тогдашний ватиканский комплекс, была лишена даже самых примитивных украшений того времени и имела холодное аскетичное убранство, должное, по мнению понтифика, настраивать исключительно на деловой тон или, в крайнем случае, на мысли о душе. Нигде не было видно ни мозаики, ни росписи с изображением библейских или античных сцен, холодные стены зала не утепляли грубые тканые полотна, одни только факелы, густо наставленные вдоль стен, наполняли помещение чадом, в связи с чем его приходилось время от времени проветривать, что не повышало температуры воздуха внутри, поскольку за окном лютовал декабрь.

За неделю до Рождества, когда мысли папы и его свиты были заняты исключительно организацией предстоящих праздников, аудиенции понтифика удостоилась Берта, маркиза Тосканская. Новости, сообщенные ей, встревожили папу, вследствие чего в этот холодный и неуютный день он пригласил своих ближайших соратников: кардинала Бенедикта-римлянина, молодого пресвитера Льва из Ардеи, Теофилакта с его супругой, византийского посла Пелагия, а также весьма кстати приехавшего на праздники в Рим Анскария, маркграфа Иврейского, ну и, конечно, саму графиню Берту, о которой пришло самое время рассказать поподробнее.

Любому, кто найдет в себе силы и интерес изучать историю Европы первых веков после заката Западной Римской империи, может броситься в глаза факт практически полного отсутствия сведений о сколь-либо заметных женщинах, оставивших свой след в эту эпоху. Последние годы существования античного Рима дали миру немало прекрасных примеров святости и героизма многих женщин – первых христианок, таких как святые Агнесса, Екатерина, Татьяна. Однако, начиная со времени прекращения гонений на христиан и в течение последующих четырех веков число женщин в сонме значимых исторических личностей странным образом практически свелось к нулю. Изучая старинные летописи, можно найти лишь унылую статистику по большей части безликих спутниц жизни мужчин, творивших Историю того времени. Можно, конечно, сослаться на всеобщую скудость сведений, оставшихся нам в наследство от Темных веков, но скорее всего, пожалуй, только предводительницу готов, отважную Амалазунту можно справедливо считать той, что оставила после себя право именоваться значимой фигурой раннего европейского Средневековья. Немногим лучше обстояли дела с ролью женщин и в Византии, где среди миллионов безвестных современниц безусловный яркий след оставили после себя, пожалуй, только императрицы Феодора¹ и Ирина Исаврийская.

Несмотря на то, что эпоха Темных веков распространяется в нашем понимании и на описываемые события, одной из самых примечательных особенностей европейского мира девят-

¹ Феодора (ок.500-548) – византийская императрица (527-548), супруга Юстиниана Великого. *Здесь и далее, при упоминании исторических персонажей и использовании специфических терминов тех лет, предлагаем воспользоваться Предметным и биографическим указателем, приведенным в конце книги.*

того-десятого веков явились очевидные признаки женского ренессанса на страницах истории, приведшего в итоге к полувековому периоду самого настоящего матриархата, причем не где-нибудь, а в сердце христианства. Провозвестником меняющейся роли женщины в европейском феодальном мире стало апокалиптическое явление папессы Иоанны, которое взорвало христианский духовный мир. Не успела Европа оправиться от этого шока, как уже светской сфере был нанесен сокрушительный удар, автором которого стала мать Берты, знаменитая Вальдрада.

Красота этой девицы из небогатого рода фризских графов настолько вскружила голову королю Срединного королевства² Лотарю, что тот действительно, не за-ради литературного слова, позабыл обо всем на свете. На протяжении полутора десятков лет сей король тщетно пытался избавиться от своей бесплодной жены Теутберги, приводя в возмущение всю Бургундию, откуда эта несчастная королева была родом. В дело пришлось вмешаться самому папе Николаю, который осудил безбожный брак Лотаря со своей новой конкубиной и отлучил Вальдраду от церкви. Скорая смерть папы заставила Лотаря еще долгое время собачкой бегать за его преемником – папой Адрианом³, – задаривая того невиданными подарками и разоряя свое королевство с одной-единственной целью – добиться разрешения на брак с желанной женщиной. Реальный исторический сюжет, достойный сентиментального романа! Концовка этого романа получилась классически печальной – Лотарь очень скоро умер, презираемый всеми, Вальдрада и Теутберга удалились в монастыри, а королевство Лотаря, лишившись хозяина, моментально было растащено более практичными и рассудительными дядьями-соседями.

Тем не менее, этот роман позволил самой Берте, родившейся в 863 году, когда ее мать еще не была отлучена от Церкви, всю жизнь ощущать, а еще больше заставлять ощущать других свою принадлежность к королевским фамилиям. Впрочем, это было еще одной характерной особенностью времени заката Каролингов – их многочисленные конкубины все активнее вмешивались в дела своих знатных покровителей, нимало не смущаясь присутствием законных жен. Еще дальше в своих претензиях пытались зайти их не менее многочисленные бастарды, которые считали своим безусловным правом претендовать на наследство папаш практически наравне с законными отпрысками. Арнульф Каринтийский среди таких прытких потомков оказался в первых рядах.

Берта вышла замуж за бургундского графа Теобальда Арльского, тем самым одержав моральную победу над недругами своей матери и став над многими из них в качестве жены их сюзерена. Впрочем, Бургундия в лице самого Теобальда также взяла небольшой реванш – скрипя зубами, Берта согласилась на то, чтобы их дочь, согласно кривой ухмылке судьбы и по настоянию новых родственников, назвали... Теутбергой.

Помимо дочери, Берта успела родить Теобальду еще двоих сыновей – Гуго и Бозона, прежде чем граф Арльский отошел в мир иной. Впрочем, Берта недолго носила траур. Новым ее мужем поспешил стать Адальберт Тосканский, который был также ослеплен ее красотой, как в свое время незадачливый король Лотарь – красотой ее матери.

Графине Берте, по рождению Лотарингской, по титулу Тосканской, сейчас было уже тридцать пять лет. Ни роды, ни бесконечная честолюбивая погоня за золотом и титулами нисколько не омрачили красоту ее лица. Престарелые бургундские рыцари охотно уверяли своих молодых слушателей, что Берта во всем походила на свою знаменитую мать – те же роскошные белые волосы, те же огромные синие глаза с длинными ресницами, те же кокетливо-привлекательные формы. Граф Адальберт исключительно гордился своей женой, во всем старался ей угодить, боялся ее неукротимого темперамента и необузданных манер, что, впрочем, не мешало ему время от времени заводить интрижки на стороне.

Сам Адальберт по понятным причинам на приеме папы отсутствовал. Своей жене он объяснил это наличием в Риме многочисленных врагов, что действительно имело место быть, а

³ Адриан Второй (792-872) – римский папа в период с 867 по 872.

также клятвой, данной им Беренгарию, которая связывала его теперь по рукам и ногам. Впрочем, сплетни имеют свойство распространяться повсеместно, и никакие преграды и цензуры им нипочем. Словоохотливые люди из челяди графа за кубком-другим-третьим охотно пускались в повествования, каким именно образом их хозяин в свое время в последний раз покидал Рим.

Эти слухи просто не могли не дойти до ушей Берты. Столкнувшись на входе в приемную залу с Теодорой Теофилакт, она обменялась с соперницей долгими оценивающими взглядами. Взгляд Берты был полон адского огня, готового испепелить низкородную выскочку, взгляд Теодоры был до краев наполнен презрительным ядом молодой победительницы, на которую польстился ветреный муж начинающей стареть матроны.

Удалив слуг и прочитав совместно дежурную молитву за ниспослание жителям Рима благословения Небес, гости расположились в своих креслах, придвинув их как можно ближе к камину, и повели неторопливый разговор.

Для начала Берта передала папе Иоанну письмо от своего мужа, в котором он каялся перед понтификом за учиненный им мятеж против него и Ламберта и сладко-смирнейшим образом просил прощения, обещая по приезде в Рим поклясться в своей верности в базилике Святого Петра. Папа радушно принял это известие – иметь в своих союзниках богатейшего графа Италии мечтал каждый правитель апеннинских земель, а кроме того, папа с усмешкой прикидывал, куда теперь, после примирения Лукки и Рима, смогут податься отлученный им Сергий и его сообщники по Трупному синоду, в настоящий момент осевшие именно в Тоскане.

– Сегодня же моя канцелярия передаст в Тоскану письмо, в котором мы известим графа Адальберта о нашем прощении им содеянного, ибо я всегда полагал блистательного графа Адальберта благочестивым христианином и человеком, безусловно, благородным.

Берта решила развить успех и попросила зачитать (ибо сама благородная дама, увы, этого не умела) письмо близкого содержания от отлученного священника Сергия. Оборвав на полуслове Теодору, взявшую на себя труд прочитать письмо, Иоанн бросил пергамент в камин.

– Таков ответ мой и Церкви, вверенной мне волею Господа и народа Рима.

Вслед за тем очередь дошла до описания Бертой последних новостей из Павии и подробностей ее неудачного похода. Каждый, слушая ее мелодичный голос, погрузился в свои размышления. Наиболее мрачные мысли при этом проносились в голове префекта и судьи Рима Теофилакта. Настроение у него начало портиться с самого начала встречи. Он не мог препятствовать решению Святого престола простить Адальберта, а заверение папы, что в Риме тосканцу ничто не угрожает, в чем сам понтифик является порукой, накладывало на Теофилакта совсем необязательное бремя. Еще более ввергли его в уныние вести о головокружительном взлете его друга Альбериха. Выходило так, что пока он, Теофилакт, как водовозная лошадь, тянул лямку в римской префектуре, вершил суд, вникал в мелкие подробности ежедневных пьяных драк, измен, грабежей и убийств простолюдинов в Риме, его дружок стал одним из самых значимых сеньоров в Италии. Славный служака, добрый воин, но не обделенный обычными человеческими пороками, Теофилакт чувствовал к Альбериху все более чернеющую зависть.

Долгие раздумья первой среди собравшихся прервала Теодора. Ее голосок звонко защебетал под сводами мрачного помещения:

– События последних месяцев, с одной стороны, действительно нарушили сложившийся порядок вещей. Однако то, что происходило в Италии в последние три года, как раз порядком можно было бы именовать меньше всего. Простите, Ваше Святейшество, мою дерзость, но, на мой взгляд, именно сейчас предоставляется возможность установить в государстве итальянском нормальное и понятное единоначалие. Беренгарий Фриульский был коронован вашим предшественником, досточтимым папой Формозом, в соответствии со всеми правилами и законами.

Он благородный, уважаемый и богобоязненный государь и, мне кажется, Риму стоит только подтвердить уже случившееся.

Берта словно ждала этих слов и кинулась в лихую контратаку.

– Государственные дела Италии вершатся ее духовными и светскими правителями, к коим относятся прежде всего наш святейший папа Иоанн и члены благородных королевских фамилий и их вассалов. Соблаговолите, душа моя, придержать ваши мысли при себе и сосредоточьте свои усилия на делах, касающихся вашего невзрачного хозяйства, ибо последнее при отсутствии контроля легко может прийти в запустение.

Краска бросилась в лицо Теодоры, швырять такие слова в ее адрес не позволяла себе даже Агельтруда. Теодора поднялась со своего кресла и, еле сдерживая свой гнев, произнесла, словно прошипела:

– Ваш совет мудр. Я поступлю именно так, как вы велите, – и с этими словами заспешила к выходу, оставляя после себя шлейф изысканных восточных ароматов своего платья.

Женщины, женщины... За следующую тысячу лет человечество выйдет в открытый космос, создаст искусственный интеллект и научится общаться между собой не выходя из дома, но женская натура останется нетронутой ни прессом времени, ни дыханием цивилизации. Сколько бы ни прошло эпох, сколько бы ни сменилось лет, но личная обида для дочерей Евы всегда и во все времена будет превалировать над необходимостью проявлять особую дипломатию и терпеть неугодных. И если Теофилакт ради дела и властолюбивых интересов Рима почти уже смирился с необходимостью видеть в окружении папы Адальберта Тосканского, наставившего в свое время ему рога, то, чтобы теперь ни случилось и сколь близко ни совпадали бы в будущем интересы Теодоры и Берты, все равно отныне Теодора будет помнить прежде всего именно эти оскорбительные для нее слова. Всего лишь одним неосторожным и чванливым словом Берта лишила себя не только союзника, но и нажила врага до конца дней своих!

Теофилакт было посчитал необходимым также удалиться, но встретил умоляющий взгляд папы. Начало для построения коалиции, способной противостоять созданному на северо-востоке Италии союзу, вышло на редкость неудачным.

Берта сделала вид, что ничего серьезного не произошло. Она обратилась к Анскарию, маркграфу Ивреи:

– Благородный мессер граф, у вас ведь есть новости, способные не только подтвердить мои слова, но и с легкостью опровергнуть только что сказанное так спешно и невежливо покинувшей нас особой?

Шестидесятилетний граф Анскарий, старинный друг императора Гвидо Сполетского, бывший верным союзником во всех его злоключениях, а стало быть, зубы съевший в свое время в борьбе с Беренгарием, охотно прокряхтел:

– Готов подтвердить, Ваше Святейшество, что все действия Беренгарий, маркграф Фриуля, предпринял, прикрываясь интересами своего сюзерена, каковым он считал и считает бастарда Арнульфа Каринтийского. В доказательство прочего передаю вам письмо, которое было перехвачено в моих владениях у гонца Беренгария, направлявшегося окружным путем в Регенсбург.

Как видим, один из трех посланных гонцов свое письмо все-таки не доставил. Папа прочитал это послание, и лицо его еще больше омрачилось:

– В своих ли интересах действует Беренгарий, или же в интересах того, кого он называет Августом, ясно лишь одно: Рим не может принять Беренгария и признать его королем Италии и императором Запада!

– Ваше Святейшество, в таком случае с наступлением весны следует ждать прихода Арнульфа или Беренгария, а того хуже – их обоих, в Рим! – в разговор вступил Теофилакт. – Какие силы могут оказать сопротивление этому вторжению?

– Тосканская марка никогда не признает Беренгария королем! – запальчиво крикнула Берта.

– Увы, великолепнейшая графиня, она уже это сделала. Устами и печатью вашего мужа, – Теофилакт слегка отплатил Берте за оскорбление своей жены.

– Иврейская марка также выступит против Беренгария, – прокричал Анскарий.

– Увы, благородный граф этого очень мало. Тем более, что Беренгарию и Арнульфам не составит большого труда запереть вас в вашем Турине или Иврее, и все события в Италии пройдут без вас.

– Как поведет себя герцогство Беневент?

– После смерти младшего Гвидо сразу несколько семейств начали войну за трон герцога, и хозяином положения пока является Радельхиз, но власть его зыбка.

– Можем ли мы рассчитывать на помощь базилевса? – Папа Иоанн повернулся к византийскому послу.

Тот, состроив гримасу «себе на уме», туманно высказался, что Византия сможет обеспечить нейтралитет Беневента при неблагоприятном течении дел. И только.

Папа тяжело вздохнул. Он был далеко не первым, кто, сталкиваясь с неразрешимыми проблемами, спешил обратиться к могучей восточной империи и всякий раз находил уклончивый, а подчас и полный презрения ответ. Удивительно, но на протяжении нескольких веков после смерти полководца-евнуха Нарзеса, победителя Тотилы, Константинополь, имея все шансы вернуть Рим в пределы империи, упорно отказывался от этого шага. Последним императором, посетившим Рим, стал в 663 году базилевс Констант Второй, который вместо помощи запомнился откровенным мародерством, приказав, в частности, содрать и вывезти к себе бронзовую с позолотой кровлю языческого Пантеона и с большой неохотой отказался от подобной же идеи относительно кровли базилики Святого Петра. Византийцев сначала вполне устраивало управление Римом через Равеннский экзархат, а затем их и вовсе начало удовлетворять владение землями лишь на Юге Италии. В своих действиях они ограничивались лишь внесением дополнительных интриг в и без того замордованную этими интригами, страну. Вот и сейчас в помощи папе было мягко отказано.

Огонь в камине стал ослабевать, и к гостям потихоньку начал пробираться холод. Первыми это почувствовали самые пожилые – сам папа и Анскарий, который принялся переминаясь в своем кресле, растирая руки и ноги и кряхтя от приступов возобновившейся подагры. В итоге папа велел позвать слуг, которые не замедлили явиться и подбросили новых дров в камин. Пока все это происходило, в зале царило молчание, каждый обдумывал свои шансы в предстоящей схватке за власть.

– А что нам сейчас следует ждать от Сполето? – папа теперь повернулся к Теофилакту, ища у него ответ на вопрос, как будет действовать вроде бы один из его лучших друзей.

Теофилакт после некоторой паузы ответил:

– Признаться, я очень огорчен, что Альберих поспешил встать под знамена Беренгария. Я знаю его как благородного милеса и примерного христианина, – лица тех, кто не понаслышке знал Альбериха, в этот момент тронула саркастическая улыбка, – и думаю, что есть шансы на то, что Альберих сможет поменять свою позицию.

– Позволю не согласиться с главой города Рима, – резко оборвала его Берта, – никто, кроме Беренгария, не может сейчас признать права Альбериха на герцогство Сполето, ибо только Беренгарий имеет право сюзерена над ним. Беренгарий уже одарил Альбериха титулом маркграфа, и только собачья преданность поможет Альбериху стать герцогом. Перейдя в другой лагерь, Альберих тут же лишится герцогства, он это прекрасно понимает. Думаю, их союз с Беренгарием надолго.

Теофилакт вздохнул и понуро склонил голову в знак согласия.

– Кто же может оказать сопротивление Беренгарию и Арнульфам? – спросил он.

У красавицы Берты ответ был заготовлен заранее.

– Если такого человека нет в Италии, следует поискать за ее пределами. История помнит случаи, когда монархи далеких стран приходили на выручку епископам Рима, и такими монархами были Карл Великий и отец его, Пипин Короткий⁴.

– Каролингам франкских земель теперь нет дела до нас. Надо обладать энергией Карла Великого, чтобы пытаться усидеть на двух тронах – Италии и за ее пределами, – сокрушенно отметил папа.

– Вы совершенно правы, Ваше Святейшество, но могучие ветви генеалогического дуба Карла Великого разрослись по всей Европе, и нет необходимости искать соперника Арнульфу в Ахене или в Париже.

Папа Иоанн с любопытством уставился на нее. Своей решительностью, крутостью нрава она напомнила ему Агелтруду, которая еще так недавно воспламеняла своими речами подобные советы в Латеранском и Ватиканском дворцах.

– Я предлагаю вам рассмотреть кандидатуру благородного милеса и честного христианина, короля Нижней Бургундии и Прованса Людовика, сына Бозона Вьеннского⁵ и Ирменгарды, внука императора Людовика Второго⁶. Этот союз расширит границы Итальянского королевства за счет богатых бургундских земель, этот союз позволит установить дружественные отношения с западными Каролингами, этот союз позволит держать в постоянном страхе германцев и Беренгарию, так как будет способен всегда нанести им удар с тыла, этот союз, уверена, поддержит и находящаяся по соседству Иврейская марка.

Граф Анскарий с готовностью закивал головой:

– Этот союз по силе своей не уступит союзу Фриуля, Сполето и Каринтии и вполне может способствовать возрождению Срединного королевства Лотаря.

Речь Берты произвела впечатление. Конечно, она сознательно опустила тот момент, что является родственницей нижнебургундскому дому, и что ее сын Гуго, несмотря на юный возраст, является одним из первых вассалов короля Людовика. Папа Иоанн впервые за долгое время почувствовал, что в смыкающемся вокруг него лично и Италии в общем круге суровых обстоятельств все-таки имеется надежда сделать явную брешь.

– А так ли уж итальянским городам и графствам всенепременно нужен король, и уж тем более император? – вдруг спросил Теофилакт.

Вопрос весьма здравый, тем более, что исходил он из уст того, чей род всегда будет сомневаться в этом. Но папа немедленно разразился речью о том, что стране обязательно нужно единоначалие, что Италия раздираема междоусобными войнами, что корысть мелких баронов не знает границ и прочая, и прочая, и прочая. Однако на следующий вопрос Теофилакта он не смог ответить:

– Тогда почему в Италии обязательно принято иметь нескольких королей и императоров одновременно?

Папа только сокрушенно поднял глаза к небу. На самом деле римские епископы были в ряду первых заинтересованных лиц, извлекающих из сложившейся в Италии ситуации немалый барыш, ибо именно они могли подтвердить или признать ничтожной королевскую коронацию, только они и никто другой могли провести коронацию императорскую. Исчезновение королевской власти в Италии грозило римским епископам безвозвратной потерей влияния на события в стране и на светскую власть феодалов. Чуть позже эти свои интересы они уже будут пытаться распространять на все королевские дворы Европы.

⁴ Пипин Короткий (714-768) – король франков (751-768), сын Карла Мартелла, отец Карла Великого, основатель династии Каролингов.

⁵ Бозон Вьеннский (ок. 825-887) – король Нижней Бургундии (Прованса) (879-887).

⁶ Людовик Второй (ок. 825-875) – император Запада (850-875).

Слова Теофилакта, имеющие все черты риторического вопроса, так и повисли в воздухе без ответа. Предложение Берты Тосканской собравшиеся приняли за основу. Папа, не спеша озвучивать решение по данному вопросу, взялся тщательно обдумать ее слова и дополнительно собрать сведения о заморском короле, который, сидя в этот момент в своей Бургундии, даже не подозревал, какой подарок ему готовит судьба. Впрочем, в то беспокойное время подарки судьбы слишком часто источали тонкий аромат сыра в грубой, безжалостной, смертоносной мышеловке.

Эпизод 2. 1652-й год с даты основания Рима, 13-й год правления базилевса Льва Мудрого, 3-й год правления франкского императора Арнульфа

(январь 899 года от Рождества Христова)

Рождественские праздники задержали папу Иоанна Девятого с принятием окончательного решения. Тем не менее, за бесконечной чередой церковных служб, приемом важных гостей со всего мира и организаций увеселений для черни папа ни на минуту не упускал из виду этот определяющий судьбу Италии вопрос. Особо ценными в эти дни стали для него сведения, поступающие от гостей обоих бургундских королевств, систематизировав которые, понтифик составил о претенденте в короли Италии и императоры Запада собственное заочное мнение как о человеке весьма средних способностей и средних достоинств, что, впрочем, его не особо смутило, ибо, посчитал он, таковым будет даже проще управлять. Его внимание привлекла к себе легенда, рассказанная ему одним гостем из Арля, о том, что покойный император Карл Толстый⁷ незадолго до своей смерти увидел во сне двоих своих предшественников, одним из которых был Людовик Второй, дед нового претендента на корону, а другим Лотарь Первый. Лотарь предсказал Карлу скорую смерть, а Людовик будто бы заповедал Карлу отдать империю своему внуку. Проснувшись, Карл Толстый повелел записать свой сон в архив, который и по сию пору находится в Ахене, а копия его в Арле. Папа живо заинтересовался возможностью получить сей документ, видя в нем волеизъявление Небес и обоснование своего выбора, тем более что документ, по слухам, заканчивался фразой:

«Пусть все знают, что, хотя бы они того или нет, согласно предназначению Божию, в его руки попадет вся Римская империя».

Ну а пока папа Иоанн медлил с принятием трудного решения, прямо у него под боком, в пределах Рима, супруга главы города вынашивала планы жестокой женской мести. Не добившись сведений об итогах декабрьского собрания у папы от своего мужа, который по-прежнему разговаривал с ней не иначе как сквозь зубы, Теодора, тем не менее, решила, что будет противиться планам Берты Тосканской, каковыми бы они ни были. Окончательно в своем решении она укрепилась после того как в Рим на Рождество прибыл граф Адальберт. Он был милостиво принят папой, щедрость графа, как обычно, не знала границ и моментально расположила к нему весь римский плебс, но главное, он старательно избегал общества Теофилактов и при встрече отводил глаза от Теодоры, в такие минуты с особой галантностью и любезностью уделяя внимание своей жене. Самолюбие Теодоры было уязвлено, и она в конце концов поступила в том же ключе, в котором во все времена поступила бы любая оскорбленная женщина.

10 января 899 года папа, собрав большой совет, на котором присутствовала вся знать города и правители Тосканы, Ивреи и Беневента, поведал о своих размышлениях по поводу судьбы итальянского королевства, о том, что Беренгарий Фриульский, нынешний король, является послушным вассалом Арнульфа Каринтийского, чью императорскую коронацию полгода тому назад святой церковный собор признал ничтожной, и, наконец, что Господь через сознание императора Карла Толстого повелел тому вполне определенно распорядиться судьбами вверенной ему Империи. Свою речь папа закончил следующим:

– Учитывая все сказанное, возблагодарим же Господа за то, что среди испытаний и невзгод, постигших лангобардское⁸ королевство в последние годы, он священным перстом

⁷ Карл Третий Толстый (839-888) – император Запада (881-887). Далее описывается исторический документ, известный как «Видение Карла Толстого» (Visio Caroli Crassi).

⁸ После разгрома лангобардов в конце 8 века возникшее благодаря потомкам Карла Великого королевство Италия еще долгое время продолжали именовать королевством лангобардов, а сами монархи венчались на царствие лангобардской короной.

своим ясно показал нам путь, каковым все вышеназванные беды будут рассеяны, а страной будет править мудрый и справедливый правитель, и это будет не самозванец, силою меча завладевающий короной, не бастард, зачатый в блуде и силою покровителя блуда вершащий беззаконие, а потомок Карла Великого, король славной Бургундии, благородный Людовик, сын Бозона и Ирменгарды!

Как ни была ненавистна Теодоре Берта Тосканская, она не могла не оценить силу и хитрость этой комбинации. Интриги дочери Вальдрады одержали верх, папа оказался напуган действиями Беренгария, которые он совершал якобы как верный вассал Арнульфа, хотя фриулец, ясное дело, в первую очередь подготавливал удобную почву для себя любимого. У Теодоры не осталось никаких сомнений – планам Берты она должна была помешать, ее начинало трясти от одной мысли, что эта невежественная, но напыщенная фурия вдруг окажется фактической правительницей Италии. Едва-едва, как капля воды, упавшая в песок, исчезла с политического небосклона жаждавшая власти нетерпеливая герцогиня Агельтруда – и вот, пожалуйста, новый истеричный конкурент с мафорием⁹ на плечах !

Наиболее же достойным претендентом на власть она видела, конечно же, себя. Да, она не принадлежала к королевским родам Европы, но преимущества ей придавали ее молодость, красота, образованность и как раз-таки отсутствие стесненности в выборе средств, будь то действия против короля, против папы или против городских чиновников Рима. Теодора остро переживала свое отстранение от дел, которое произошло после обнаружившегося факта ее измены. Она страстно желала быть в гуще событий, и раз муж и любовник теперь игнорируют ее, значит, она отныне вольна в своем выборе средств и союзников, которые теперь обязательно должны быть друзьями Теофилакта.

Уже вечером того же дня Теодора направила своего верного слугу в Сполето с письмом к Альбериху в котором содержалось известие о решении папы Иоанна и предложение дальнейших действий. Альберих, которому на неопределенное время дорога в Рим теперь была заказана, с радостным удивлением встретил посла Теодоры, а прочитав (заслушав от своего капеллана) письмо, расхохотался:

– До чего же сметливы эти потаскушки, Берта и Теодора! Гляди, какую кашу решили заварить!

Сам же он велел немедля седлать коней и со своей неизменной дружиной скоро отправился в направлении Павии. Спустя два дня он был там. Преклонив колено перед Беренгарием, лицезревшим в этот момент танцы юных истрийских дев и потому пребывавшим в исключительно благодушном настроении, Альберих повел речь:

– Смирный вассал благочестивейшего короля Италии ждет твоего повеления огласить новости, пришедшие из Рима!

– Не надо церемоний, мессер Альберих. Вы доказали и словом, и делом искренность своих намерений относительно нас!

– Надеюсь, мои дальнейшие слова укрепят вас в этом мнении, мой король. Но я принес дурные вести из Рима, от Святого Престола. Все же другого, наверное, и нечего было ожидать от того, кто всегда и на всех перекрестках твердил, что является послушным учеником строптивного папы Формоза!

Беренгарий поморщился.

– Что вы, Альберих! Несчастный папа Формоз был, конечно, большим путаником, за что и пострадал. Но все же он был заместителем Святого Петра и нам негоже так вспоминать о нем.

– Я вспомнил о нем, мой король, только потому, что наш нынешний папа Иоанн решил поступить так же, как в свое время Формоз, наплодивший по Италии королей и императоров!

⁹ Мафорий – длинный, с головы до пят, платок (покрывало), широко распространенный атрибут женской одежды раннего Средневековья.

– Что такое?

– Прошу меня покорно извинить, но это прежде всего должно быть услышано только вами.

Беренгарий махнул рукой. Музыка стихла, танцовщицы, словно бабочки, уносимые ветром, упорхнули за дверь. Альберих оценивающе смотрел им вслед.

– Так вот, мой король. Наша шлюха и дочь шлюхи Берта, которую, вероятно, не стоило невинной отпускать от стен Павии, успешно вдвела в уши нашему папе мысль о том, что ваши действия, производимые под флагом вашей верности Арнульфу, наносят вред планам Рима. Вы ведь знаете, Рим как огня боится Арнульфа, и в вашем лице он видит карающую длань его. Папа поспешил найти вам оппонента, который, напялив на себя корону, будет оспаривать вашу власть по всей стране.

У Беренгария расширились глаза.

– И кто же это? Неужели Адальберт нарушит клятву?

– О нет, они решили действовать хитрее. Берта зовет в Рим своего бургундского родственника, короля Людовика, и папа одобрил этот выбор!

– Ха! Вот так новости! И что теперь? Кстати, между прочим, это была ваша идея во всем прикрываться Арнульфом!

– И я до сих пор пребываю в уверенности, что эта идея правильная. Если поправится император Арнульф, как вы думаете, сможет ли с ним совладать бургундский Людовик?

– Насколько я слышал о бургундце, едва ли.

– Поэтому нам по-прежнему не надо лишний раз дразнить наших тевтонских соседей. Напротив, нам предлагается план действий, которыми мы лишний раз подчеркнем свою преданность каринтийцу, а заодно подтвердим свои полномочия в Италии.

– И что нам предлагается сделать?

– Провести вашу повторную коронацию итальянским королем здесь, в Павии, в присутствии послов Арнульфа и силами союзного с вами епископа, ну, скажем, Ландульфа из Милана.

– Вот это поворот! Но, увы-увы, на Ландульфа я не могу более рассчитывать. Сей достойный отец Церкви, в свое время оказавший мне честь быть посредником при переговорах с Ламбертом, недавно пережил удар, и я боюсь, что это была последняя услуга с его стороны.

– Тогда, быть может, его высокопреподобие, епископ Амолон из Турина? Какое счастье, что королевская коронация необязательно должна осуществляться папой!

– Допустим, особенно если ему будет обещана помощь в его конфликте с родным городом, где его, признаться, недолюбливают. Но что делать с Людовиком?

– Задерживать ход переговоров его с Римом, а в худшем случае блокировать его войско, которое непременно вынуждено будет пройти через Лангобардию¹⁰.

– А какую позицию занимает мой сосед, Анскарий Иврейский?

– Увы, он первым поддержал предложение Берты, в котором видит преференции от союза с Провансом.

– От старой жабы это следовало ожидать. Скажите, откуда вы получили сведения о решении папы Иоанна?

– О! Меня им снабдила одна прелестная развратница, ума которой хватило бы на десятых лангобардских королей!

– Вы меня оскорбляете этой фразой, Альберих. Но я, кажется, догадываюсь, что речь идет об этой гречанке, жене префекта Теофилакта и... вообще-то я с вами согласен, – Беренгарий ухмыльнулся, вспоминая лицо Теодоры, но потом быстро перекрестился, прогоняя искушение. Альберих не выдержал и рассмеялся.

– К слову, она и автор идеи о вашей коронации!

¹⁰ Здесь и далее имеется в виду регион, соответствующий современной Ломбардии.

– Дьявол! Настоящий дьявол в тунике! О, прости меня, Господи! Это все ее предложения?

– О нет, сир. Вы все-таки ее недооцениваете. Она предлагает вам, не дожидаясь решения папы относительно бургундцев, уже этой весной идти на Рим.

Эпизод 3. 1653-й год с даты основания Рима, 14-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Арнульфа

(январь-сентябрь 899 года от Рождества Христова)

27 января 899 года в присутствии множества лангобардских, веронских и фриульских дворян епископ Амолон с величавой торжественностью возложил на голову Беренгария железный обруч лангобардских королей, тем самым повторив обряд, совершенный над ним еще десять лет назад. Документы о коронации были немедленно высланы в Рим и Регенсбург, и если Арнульф к этой новости отнесся вполне благосклонно и ответил своим приветствием, то в Риме это вызвало лихорадочный поиск ответных мер. Приближалась весна, и уже ничто не мешало Беренгарию двинуться на Вечный город, слухи о его приготовлениях начали поступать практически ежедневно. Его вассалы стекались в Павию, а Иоанн все еще медлил направить Людовику Прованскому свое приглашение. Инициатива была определена за Беренгарием, в середине февраля он направил папе письмо, в котором выражал свое желание отправиться в Рим как *«богобоязненный пилигрим и дабы узнать, заслужил ли он расположение папы восстановлением мира в Северной Италии, в чем ваш робкий слуга желает убедиться лично, ибо от Вашего Святейшества мы до сих пор ответа не получили»*.

Приняв это послание, Иоанн Девятый совсем загрузил. По всей видимости, понтифику приходилось смириться с объективным состоянием дел, ждать Беренгария в Риме и приветствовать его как нового короля. Хитрый политик даже успел продумать для себя отступные, а заодно и проверить Беренгария на искренность его вассальных перед Арнульфом чувств, а именно при встрече с фриульцем предложить ему императорскую корону. Тем самым Иоанн рассчитывал, причем при любом ответе Беренгария, вернуть к себе расположение последнего. О военном противостоянии не могло быть и речи – Иврея и Тоскана, видя неблагоприятный ход событий, предпочли отойти в тень, а их правители разъехались из Рима каждый по своим владениям. Иоанн мог твердо рассчитывать только на гарнизон Теофилакты, который, может быть, и мог бы выдержать длительную осаду, но уж точно не был в силах восстановить интересы папы в его владениях.

Все шло как нельзя лучше для Беренгария, его императорские амбиции крепили день ото дня, когда он получал новости с юга о пассивности его трусоватых соперников. Воодушевляли его и вести из-за гор. Германские послы, посетившие его коронацию, поведали Беренгарию, что его сюзерена Арнульфа недавно разбил новый паралич и что, по всей видимости, его войск не стоит ждать этим летом в Италии, а в приватном порядке выразили сомнения, что их император вообще когда-нибудь сможет выздороветь. Многочисленные отпрыски Арнульфа от целой плеяды konkubin уже начали подковерную борьбу за наследство умирающего отца, но мало кто из них потенциально будет готов в ближайшее время обратить свой корыстный взор на Италию.

Эти новости могли вскружить голову Беренгарию, так много лет лелеявшему мечту об императорском троне, однако Альберих посоветовал ему взять небольшую паузу и при получении соответствующих новостей из Регенсбурга действовать уже наверняка. Беренгарий согласился с ним частично, отказавшись выступить в поход на Рим в начале марта, и перенес этот марш на конец мая, рассчитывая за это время окончательно закрепить свою власть во всей Северной Италии.

К концу мая состояние Арнульфа, вопреки ожиданиям, не ухудшилось, напротив, сообщали, что император вновь встал на ноги. Беренгарий больше не мог ждать и назначил свое выступление из Павии на 4 июня, о чем должны были быть оповещены все его союзники и вас-

салы, обязанные присоединиться. По первоначальным прикидкам войско Беренгария должно было составить до пятнадцати тысяч человек.

За неделю до предполагаемой даты выступления, когда в Павию под знамена Фриуля уже всюду начали стекаться благородные рыцари, пред очи короля веронские бароны приволокли двух странных людей варварского вида, обильно обвешанных, как это принято у кочевников, шкурами и мехами зверей. На скулах их и на обнаженных руках были видны нанесенные тупыми ножами характерные шрамы, по которым Беренгарий опознал этих людей. Венгры!

Сей беспокойный народ поселился в Паннонии, что совсем рядом с его Фриульской маркой, всего семь лет назад, придя из неведомых и далеких Уральских гор. Их воины были смелы и исключительно жестоки, повадки грубы, невежественны и бескомпромиссны, что сразу почувствовали на себе их новые соседи. Арнульф Каринтийский и его двор стали первыми, кто отказался от затеи меряться силами с возродившимися потомками Аттилы, а вместо этого смогли проявить незаурядное искусство дипломатии и со временем заручиться дружественными отношениями с их вождями Арпадом и Курсаном. Говорят, что это стоило германскому императору немало золота, но зато он смог привлечь в свое войско их конницу в своем походе в Моравию, где лишний раз убедился в воинственности венгров. Напрасно местный князь Святополк¹¹ заискивающе присылал кочевникам пригоршни своей земли, воды и травы, символически приглашая венгров расположиться в его владениях и быть для него защитой. Венгры сокрушили Великую Моравию, свершив то, что десятилетиями было не под силу франкогерманским государям, и закрепились на захваченных землях. Что же касается шрамов на их лицах, то, по существовавшей легенде, родившимся мальчикам в то время их родители разрезали щеки кинжалом, дабы они вместе с материнским молоком познали вкус собственной крови и научились терпеть раны. Количество же ран на руках означало количество захороненных ими родных, так как во время похорон каждый из оставшихся живых родственников умершего обязан был собственноручно нанести себе незаживающий, а значит, вечно напоминающий о себе и о причинах своего возникновения порез.

Внезапное появление венгров, чьи князья до сей поры вели достаточно мирную переписку с Беренгарием, не на шутку взволновало итальянских рыцарей. Необходимо было узнать, каким образом они оказались по эту сторону Альп и каковы их намерения. По счастью, один из плененных отрывочно знал баварский язык, и после применения соответствующих мер воздействия заговорил. Видно, раны, нанесенные ему в детстве, так и не приучили его до конца терпеть боль.

Услышанное еще более встревожило Беренгария. По всему выходило, что около двух недель назад отряд в пять-шесть тысяч венгров спустился с гор на Паданскую равнину. Их направил сам великий кендю Курсан, приказав узнать, что за народ живет к югу от Альп, богат он или беден, смел или труслив, многочислен или невелик, сплочен или разобщен. По словам веронцев, прибывших в лагерь Беренгария чуть позже, венгры на днях появились в предместьях их столицы и уже успели заслужить о себе дурную славу, не оставляя никого свидетелями своих набегов и не жалея даже едва народившихся младенцев.

Выведав расположение их главных сил, Беренгарий передал пленных скорым на руку палачам, а сам немедленно собрал военный совет.

Альберих, оценив положение вещей, мысленно проклинал весь свет. Откуда взялись эти варвары, причем в самый неподходящий момент?! Не иначе, как само Небо воспротивилось замыслам его и планам этого вечного неудачника Беренгария! Понятно, что ни о каком походе на Рим не может быть и речи, пока у тебя в тылу шастает огромная банда не знающих жалости разбойников. Выходит, Рим получает спасительную передышку и, конечно же, хитрый лис Иоанн не преминет ею теперь воспользоваться.

¹¹ Святополк Первый (?-894) – князь Великой Моравии (871-894).

Беренгарий же, напротив, был будто счастлив полученному известию о вторжении варваров в пределы его королевства. Торжественно поднимая кубок с вином, он на ближайшем пиру провозгласил:

– Братья мои во Христе! Господь наш волею своею напомнил нам всем, что прежде всего мы суть смиренные рабы его, и упрекнул нас в гордыне нашей, что можем мы помышлять о делах суетных, когда в пределы страны нашей вторгаются посланники дьявола! Долг наш заключается в избавлении слуг Господа от насилия, чинимого дикими народами Гога и Магога¹², потомков гнусного Аттилы, и в выдворении варварских полчищ за пределы нашего королевства. Посему призываю всех следовать за своим королем! Добыв с вами потом и кровью победу над нечестивым врагом нашим, мы получим восхваление от Господа нашего, Святого Петра и наместника его!

А вот это было действительно не лишено смысла. Прогнав венгров, Беренгарий мог твердо рассчитывать на преференции от Рима. Навряд ли кто-то будет оспаривать его власть в Италии после того как он покажет всем свою волю, силу и заботу христианского владыки!

Четвертого июня вместо похода на Рим войско Беренгария направилось к востоку от Павии. По сообщениям местных жителей, венгров видели всего лишь в тридцати милях от нее. Началась странная военная кампания, резко отличающаяся от правил ведения войны, установленных в тогдашней Европе.

Прежде всего, стало понятно, что ни о каком генеральном сражении и принятии вызовов на открытый поединок не может быть и речи. Посланники Беренгария, имевшие при себе кодекс¹³ с вызовом на бой предводителю венгров, бесцельно блуждали по холмам Италии, а в худшем случае, обнаруживая лагерь венгров, находили тем самым свою смерть. Войско кочевников было исключительно мобильно, у Беренгария и его свиты голова шла кругом, когда одновременно они получали сведения о появлении венгров из мест, находившихся друг от друга на почтительном удалении. Все лето провел Беренгарий в бесцельной гонке за вечно ускользающими венгерскими призраками, находя, как правило, только следы их безжалостного пребывания. Венгры везде сеяли ужас и смерть, застигнутые ими врасплох селения обычно уничтожались и грабились полностью, а то, что венгры не могли унести, то с их стороны подлежало неминуемому сожжению. Мелкие стычки случались почти каждый день, но рыцарям обычно попадались только небольшие и увертливые конные разъезды венгров, подобно метеорам от несущей разрушение кометы, периодически отделяющихся от своего основного отряда в целях разведки или грабежа.

И все же эта игра в жмурки не могла длиться бесконечно. Удача улыбнулась Беренгарию у реки Адды, где его люди застали переправлявшийся через реку венгерский обоз с награбленным. Венгры бежали, не приняв боя. Причем многие из них, избегая плена, предпочли утонуть в быстрой реке. Во всяком случае, для Беренгария это уже было что-то, и он, составив хвастливую победную реляцию, направил с этим гонцов в Павию и в Рим.

После этого разведка его войска уже не упускала венгров из виду. Его люди в этот момент напоминали гончих, наконец-то взявших след кабана. Стычки стали многочисленнее и кровавее, периодически итальянские рыцари находили брошенные обозы с награбленным, которые уже, видимо, всюю стали тяготить грабителей. Также итальянцы, идя по следу, стали часто наткаться, к их великой печали, на многочисленные трупы своих соотечественников, попавших в плен и, по всей видимости, первоначально рассматривавшихся венграми в качестве живого товара.

Недалеко от Вероны Беренгарий вновь настиг основные силы венгров. Рыцари в запале своей погони на этот раз явно не рассчитали силы. Противник внезапно перешел в контратаку,

¹² Гог и Магог – упоминающиеся в тексте Нового Завета народы, которые в конце времен пойдут войной на людей Божьих.

¹³ Деревянная дощечка для письма.

видя за собой численный перевес. Альбериху и его отряду пришлось бы очень туго, если бы Беренгарий собственноручно не поспешил им на выручку. С ходу налетев на наседавших на Альбериха венгров, Беренгарий обратил их в скорое бегство.

Эта победа, как и стычка у берегов Адды, заставила Беренгария усомниться в правдивости легенд о несокрушимой отваге венгров. Кроме того, она ясно показала, что у венгров уже нет сил и широты маневра уворачиваться от его войска, что с каждым днем тают шансы венгров благополучно достичь Альп, где их ждало бы спасение. Возле реки Бренте, что к северо-востоку от Вероны, Беренгарий настиг их снова. На сей раз язычники не обратились к нему спиной, на противоположном берегу реки короля Италии уже поджидали венгерские «парламентеры».

Беренгарий принял гостей, несмотря на ропот многих своих соратников, с негодованием напоминавших королю о том, как обходились венгры с его послами. Пришедших на переговоры было пятеро, среди них был человек из германских земель, который служил им переводчиком.

– Наш вождь, дьюла Бурсак, выражает восхищение мужеством и упорством короля Италии и склоняет свою голову перед его мощью! – начали речь венгры, среди которых статью и богатым меховым убранством, слишком жарким для итальянской осени, выделялся сам их воевода (дьюла) Бурсак.

– Завтра у вас будет возможность еще раз в этом убедиться. Переведи, – усмехнулся Альберих.

– Дьюла Бурсак, уверившись в силе вашего оружия, предлагает вам мир и дружбу и совместные войны против слабых духом людей.

– Ваши слова не имели бы цены три месяца назад, месяц назад они стоили бы сто фунтов серебра, а сейчас сто фунтов золота, – улыбаясь, отвечивал за короля Альберих.

– Дьюла Бурсак находит ваши слова разумными и милостивыми, и готов отдать вам все, что его люди нашли в вашей земле.

– Ого! Дьюла Бурсак начинает мне нравиться! – воскликнул Альберих, но хмуро молчавший до того времени Беренгарий его перебил:

– Передайте вашему дьюле, что его люди принесли смерть тысячам христиан, подданных моего королевства. Жизнь каждого христианина бесценна, и за нее не откупиться ни золотом, ни серебром! Вы были смелы и дерзки, когда за вами была сила, но вот вы стоите на коленях, потому что знаете, что настал для вас час возмездия! С нами Бог, и даже если бы нас было вдесятеро меньше, вам было бы не уйти от нашей карающей длани, ибо на самом деле вас бы карал не итальянский король, но сам Господь, наш отец и заступник!

Услышав эти слова, венгры посуровели. Все же их воевода нашел в себе силы для последнего довода:

– Мы предлагаем вам вернуть все взятое с земли вашей, а также наше имущество, и просим, не допуская пролития крови, отпустить нас, оставив нам по одному мечу и одной лошади на человека. А также мы предлагаем взять дюжину сыновей наших, чтобы они послужили для вас залогом нашей верности, дружбы и клятвы, что никогда более мы не покусимся на ваши земли!

Беренгарий, пошептавшись со своей свитой, среди которой Альберих был самым жестким его оппонентом, ответил воеводе следующим:

– Ваша жизнь, жизнь ваших сыновей, ваше имущество и все награбленное вами теперь и без того в нашей полной власти! Да постигнет вас кара Небесная за дела ваши! На рассвете мое войско силой своей и грозной волею Небес будет атаковать вас!

С этими словами венграм было указано уйти. Альбериху исход переговоров не пришелся по вкусу.

– Так или иначе, но завтра не одна сотня христиан может лечь в воды Бренте, прежде чем мы уничтожим этих варваров! Уместна ли такая гордыня с нашей стороны?

– Зато эти варвары будут знать, что на нашей земле их всегда будет ждать полное уничтожение, от которого им не откупиться ни золотом, ни оружием, ни своими детьми! – отрезал Беренгарий и дал понять, что решение принято. К тому же на Рим, не произнося сие вслух, считал он, должное впечатление могла произвести только его безоговорочная и громкая победа.

Но Небеса распорядились иначе. Спустя час, когда на землю опустились сумерки, лагерь Беренгария был внезапно атакован лихим наскоком венгерской конницы, переправившейся вброд в двух милях севернее. Венгры, отправляя своих «парламентеров», были готовы к тому, что христиане, почувствовав свою силу, откажутся от их предложения. Продолжать бегство для них не имело смысла, обозы с награбленным, раненые – все это путало им ноги и мешало улизнуть. Итальянские рыцари, загнав их в угол, не оставили им другого выхода, как попытаться идти на прорыв и напасть первыми.

Войско Беренгария, втрое превосходившее по численности венгров, оказалось быстро и полностью деморализовано. Приготовившиеся к ночлегу, а во многих местах начавшие кутеж рыцари, планировавшие поутру уничтожить диких варваров, оказались не в состоянии оказать достойного сопротивления. По живописным словам летописца Лиутпранда Кремонского¹⁴, атака венгров была настолько скорой и неожиданной, что у первых павших рыцарей был проткнут хлеб в их глотках. Венгры круговой конной стеной окружили лагерь Беренгария и не щадили никого, осыпая градом стрел пытавшихся вырваться из их кольца итальянцев. Такой тучи стрел, такой меткости лучников рыцари не видали прежде никогда. Немногие сохранили хладнокровие в данной ситуации, но справедливости ради стоит отметить, что и Альберих, и сам король вошли в это незначительное число. Вырвавшись из венгерского кольца, они еще попробовали организовать оборону от венгерских всадников, стенами рога призывая всех уцелевших под свои знамена. Однако венгры вовремя заметили грозящую им опасность и организованной атакой конницы вновь опрокинули не успевших собраться итальянцев. И снова Беренгарий и Альберих нашли в себе силы организовать хотя бы более или менее упорядоченное отступление. Тысяча рыцарей последовала за ними, и сгустившаяся темнота на этот раз была их союзником. Беренгарий с остатками войска кинулся к Вероне. Так часто она спасала его в минуты, увы, не единожды проигранных им баталий! Спасла и на этот раз. В течение следующих суток под защиту крепостных стен Вероны собралось еще около тысячи уцелевших. Однако более десяти тысяч горделивого и надменного войска Беренгария Фриульского сгинуло возле Бренте под стрелами диких варваров. Так 24 сентября 899 года средневековая Западная Европа впервые узнала силу венгерского народа, чьи мечи и стрелы будут вызывать трепет во всех королевских дворах на протяжении следующих пятидесяти лет.

¹⁴ Лиутпранд Кремонский (922-972) – епископ Кремоны, историк, дипломат, посол Оттона Великого. Автор «Антоподосиса» («Воздаяние») – основного исторического источника о событиях 10 века в Европе.

Эпизод 4. 1653-й год с даты основания Рима, 14-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Арнульфа

(октябрь-декабрь 899 года от Рождества Христова)

Укрывшись за стенами Вероны, король Беренгарий очень скоро услышал отчетливый скрип колеса Фортуны, поворачиваемого прочь от него. Последствия тяжелого поражения под Бренте не заставили себя долго ждать. Королю Италии, за один день потерявшему весь цвет своего рыцарства, теперь оставалось только с бессильной яростью наблюдать, как никуда уже не торопящиеся венгры жгут поселения вокруг Вероны, Аквилеи и Фриуля. Был момент, когда их полчища подступили к самой Вероне, но, не имея опыта ведения долгой осады, венгры, погрозив веронцам и их королю копьями, скрылись за горизонтом.

Пришла беда – отворяй ворота, и вскоре Беренгарий начал получать печальные доказательства невысокой цены клятв верности своих вассалов и неблагонадежности союзников. Под разными предложениями его войско начали покидать мелкопоместные бароны, спешащие, по их словам, защитить свои земли от грабителей-варваров самостоятельно, раз их сюзерен оказался столь малосилен. Ну и, само собой, весть о разгроме Беренгария дошла до Рима. Тосканская партия вновь подняла голову и, за глаза осыпая упреками и насмешками Беренгария, достучалась-таки до сердца и разума папы Иоанна.

– Ввиду того, что Беренгарий, маркграф Фриульский, оказался, очевидно, неспособным удержать земли Италии в целостности и сохранности от набегов неизвестных языческих орд, сей человек не может считаться достойным принятия из рук Римской церкви короны императора франков и римлян. Настоящим даю свое благословение на приглашение в Рим благородного и благочестивого короля Нижней Бургундии Людовика!

Но как отправить торжественную делегацию в Прованс, если по сути единственная дорога туда проходит через земли Лангобардии, по-прежнему подчиненной Беренгарии? Очевидно, что послы по дороге в Арль могли бы поджидать малоприятные сюрпризы. Выход из тупика был найден, когда Теофилакт предложил папе отправить послы морем, зафрахтовав несколько византийских кораблей. Папа с восторгом принял эту идею. И никого иного, как именно Теофилакта, знакомого с морскими путешествиями, папа и отрядил возглавить эту миссию.

Надлежало торопиться, ибо на дворе стоял уже октябрь, и погода демонстрировала все признаки своего ухудшения. Со всеми приготовлениями Теофилакт отплыл из Рима только 20 октября. Свита его составляла около пятидесяти человек, разместившихся на двух кораблях, в то время как третий корабль был под завязку набит подарками претенденту в императоры, среди которых с особым почтением на борт были доставлены мощи святого Трофима, между прочим, первого епископа Арля. Путь до устья Роны занял почти три недели, по пути флот Теофилакта попал в сильный шторм и вынужден был несколько дней укрываться в бухтах Корсики от непогоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

2

•
Условное название государства, образованного в 843г. в результате раздела империи Карла Великого. Включало в себя земли современных Нидерландов, Швейцарии, Италии, французских областей Прованса и Бургундии. Король Срединного королевства признавался императором Запада. В 855 году распалось на отдельные королевства Италия, Прованс и Лотарингия.